КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.
16-го марта. № 6. 1871 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЧИНЪ
СВЯЩЕННАГО ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО

Чинъ священнаго вѣнчанія на царство начинается собственно предъ литургіею вслѣдъ за часами, но Церковь приготовляетъ къ нему заранѣе, совершивши молебствіе на канунѣ дня корованія—предъ вечернею, и въ другой разъ въ самый день коронованія—предъ чтеніемъ часовъ. Торжество вѣнчанія открывается шествіемъ Государя Императора изъ царскихъ палатъ до храма, въ которомъ обыкновенно совершается обрядъ, именно до храма большаго Успенскаго Собора въ Москвѣ. Во время этого шествія, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ, протоіерей собора идетъ впереди Государя съ крестомъ и окропляетъ путь св. водою, а высшіе іерархи церкви, число которыхъ простирается до седми, со множествомъ духовныхъ лицъ выходятъ къ нему на встрѣчу въ притворъ (паперть) храма, показывая этимъ, что святая Церковь Благочестивѣйшаго Первенца Сыновъ Христовыхъ встрѣчаетъ своими объятіями. При входѣ Государя въ храмъ, шествіе его оглашается пѣніемъ церкви отъ лица его самого пѣсни царя пророка—*мужа по сердцу Божію*. Пѣснь эта—*милость и судъ воспою тебѣ, Господи*, заключаетъ обѣты, съ которыми входитъ царь для принесенія ихъ предъ Господомъ. Въ ней изображаются дѣйствія мудраго правленія царскаго. Во время пѣнія этого

псалма Государь совершаетъ поклоненіе предъ церковными вратами и прикладывается къ мѣстнымъ иконамъ, испрашивая благословенія у Царя царствующихъ и молитвъ у святыхъ Божіихъ, а послѣ того идетъ на средину церкви, гдѣ поставленъ престолъ для него. По окончаніи псалма митрополитъ, напоминая Государю, что »благоволеніемъ Божіимъ и дѣйствіемъсвятаго и всеосвящающаго Духа» совершится вѣнчаніе, предлагаетъ ему исповѣдать въ слухъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ «православно—каѳоличскую вѣру. »Что сіе значитъ? спрашиваетъ митрополитъ московскій Филаретъ, и отвѣчаетъ: это значитъ, что церковь, какъ сама основана непоколебимо на камени вѣры, такъ желаетъ и царское достоинство и желаемое благословенное царствованіе утвердить непоколебимо на камени вѣры. По истинѣ, если Господу нашему Іисусу Христу, владычествующему всѣмъ по Божеству, въ слѣдствіе заслуги спасительнаго страданія и воскресенія, новымъ образомъ, какъ Богочеловѣку, *дадеся*, по собственному изреченію Его, *всяка властъ на земли*, какъ *на небеси* (Матѳ. 28, 18); если Онъ, по слову Тайновидца, есть *князъ царей земныхъ* (Апок. 1, 5): то царь и царство могутъ быть истинно благословенны только тогда, когда угодны Ему и Его верховному владычеству; а угодны Ему могутъ быть только тогда, когда право исповѣдуютъ и дѣятельно хранятъ вѣру, которая есть сила, средство и цѣль Его владычества«. Поэтому святая Церковь, внявши исповѣданію, призываетъ на Государя Пресвятаго Духа, и начинаетъ молитвы приготовительныя къ священному обряду. Въ великой эктеніи она молится «благословитися царскому вѣнчанію благословеніемъ царя царствующихъ и Господа господствующихъ» (6 моленіе), — «укрѣплену быти скипетру Его десницею Вышняго» (7), помазаніемъ Всесвятаго мура пріяти Ему съ небесе къ правленію и правосудію силу и пре-

мудрость (8), получити Ему благопоспѣшное во всемъ и долгоденственное царствованіе (9), чтобы услышалъ Его Господь въ день печали и защитило Его имя Бога Іаковля (10). За тѣмъ поется «Богъ Господь» и тропарь: спаси Господи люди твоя *трижды*, въ которомъ призывается помощь Божія и сила Креста къ Государю, побѣды котораго надъ сопротивными доставляютъ подданнымъ миръ и безопасность Церкви. По окончаніи тропаря, при требованіи у всѣхъ напраженнаго вниманія, предлагается чтеніе сперва изъ пророка Исаіи, а потомъ изъ Апостола и Евангелія. Въ чтеніи пророческомъ небо и земля призываются къ веселію: *радуйтеся небеса и веселися земле, яко помилова Господь люди своя и смиренныя своя утѣши* (Ис. XLIX, 13—19). Этимъ призываніемъ къ веселью, по случаю особеннаго промышленія Божія о своемъ (іудейскомъ) народѣ, указывается на то, что Господь, призвавши къ себѣ умершаго Императора возвелъ на престолъ преемника ему по сердцу своему. Въ Апостолѣ внушается повиновеніе предержащимъ властямъ (Римл. XIII, 1—7), и въ Евангеліи словами Господа повелѣвается воздавать Кесарева Кесареви и Божія Богови (Матѳ. XXII, 15—22). Высшіе іерархи послѣ этого, по велѣнію Императора возлагаютъ на него порфиру,—одежду, которая была въ употребленіи у царей всѣхъ древнихъ народовъ. А главный іерархъ осѣняетъ верхъ главы Императора крестообразно и, возложивши на него свои руки, во услышаніе всѣхъ читаетъ молитву, въ которой отъ лица всей церкви испрашиваетъ содѣйствія и соизволенія Божія на вѣнчаніе Государя, при чемъ указываетъ и на значеніе отличій царскихъ. Поднеся сперва корону, а потомъ скипетръ и державу къ Государю онъ благословляетъ надѣть ее Государю и объясняетъ, что видимое и вещественное украшеніе главы Его есть ясный образъ, что

Царь славы Христосъ невидимо вѣнчаетъ Главу Всероссійскаго народа благословеніемъ своимъ благостыннымъ, утверждая Ему придержащую власть надъ людьми своими. А въ то время, какъ Государь, по благословенію же во имя Отца и Сына и Святаго Духа беретъ въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую державу митрополитъ, обращаясь къ нему, говоритъ: пріими скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго Тебѣ отъ Вышняго надъ людьми своими Самодержавія къ управленію ихъ и къ устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія. За тѣмъ Государь съ колѣноприклоненіемъ вознося молитву къ Богу, и исповѣдуя неизслѣдимое Божіе смотрѣніе о Себѣ, проситъ, чтобы Самъ Богъ и наставилъ въ дѣлѣ, на которое призвалъ, вразумилъ и управилъ въ великомъ царскомъ служеніи, послалъ съ небесъ присѣдящую престолу Своему премудрость, чтобы Онъ могъ уразумѣть, что угодно предъ очима Его и что право въ заповѣдяхъ Его. Молитва царя заканчивается преданіемъ Его въ руку Божію, а обрядъ коронованія молитвою славословія: Тебѣ Бога хвалимъ и возглашеніемъ многолѣтія Государю.

Но дѣйствіе Церкви не огриничивается одними только благожеланіями. Послѣ пѣнія причастна она мvропомазуетъ Государя въ просвѣщеніе всѣхъ чувствъ. Мvро или елей на священномъ языкѣ есть символъ благости и милосердія. Сообщая благочестивымъ государямъ образъ величія своего, Господь помазуетъ ихъ елеемъ святымъ во образъ вѣчнаго Царя Господа нашего Іисуса Христа, т. е. изливаетъ въ сердца ихъ свою божественную благость и милосердіе и поставляетъ ихъ истинными Отцами народа; запечатлѣваетъ сердце Государя вѣчно низмѣняемою любовію къ народу его, и связуетъ сердце народа совершеннымъ союзомъ взаимной любви къ царю своему.

Торжество коронованія Государя Императора возла-

гаетъ и на каждаго вѣрноподданнаго гражданина долгъ и обязанность—принести Богу славу, благодареніе и молитву, чтобы Онъ подъ осѣненіемъ провидѣнія своего даровалъ ему мирное царство, да и они въ царствованіе Его могли пожить. тихою и безмятежною жизнію во всякомъ благочестіи и чистотѣ.

Морковинъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛИЧЬЕЙ КАѲЕДРЫ СЪ 1240 ПО 1461 ГОДЪ.

«Благодать пресвятаго Духа пріялъ азъ грѣшный отъ преосвященнаго патріарха вселенскаго и отъ св. собора и пріѣхалъ есмь къ св. Софіи въ митрополью всея Россіи въ Кіевъ и ко всѣмъ христіаномъ, обрѣтающимся въ сей русской земли пастухъ и учитель... Не вѣдаешели, яко всея русскіе земли владыки подъ моею властію суть и въ моей воли? И азъ ихъ ставлю отъ благодати пресвятаго Духа». такъ писалъ въ свое время святитель Алексій митрополитъ[1]); тоже самое могъ говорить и самый первый митрополитъ кіевскій, когда, съ водвореніемъ христіанства при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, въ Россіи учреждена была одна митрополія, подчиненная патріарху константинопольскому. Такимъ образомъ русская митрополичья каѳедра, утвержденная первоначально въ Кіевѣ, была для Церкви русской какъ бы видимымъ знакомъ единства вѣры и жизни христіанской и началомъ іерархическаго порядка. Но съ 1240-го года открылись причины, мало по малу приготовившія раздѣленіе русской митрополіи на кіевскую и московскую. Какія были причины сего раздѣленія, при какихъ обстоятельствахъ оно совершалось и какимъ образомъ утвердилось,–на эти важные вопросы отвѣчаетъ исторія кіевской митрополичьей каѳедры съ 1240 по 1461 годъ.

1240-й годъ замѣчателенъ въ русской исторіи разоре-

---

[1]) Истор. Акт. т. I. № 13.

ніемъ древней столицы руси—Кіева татарами. Событіе это и послѣдовавшее за нимъ татарское иго имѣло непосредственное и посредственное вліяніе на судьбу кіевской митрополичьей каѳедры. *Непосредственнымъ* вліяніемъ его было оставленіе Кіева митрополитами и переходъ ихъ сперва во Владиміръ (на Клязьмѣ), а потомъ—въ Москву: событіе важное въ исторіи кіевской каѳедры по своимъ послѣдствіямъ. *Посредственнымъ* вліяніемъ татарскаго ига на судьбу митрополичьй каѳедры было стремленіе югозападной руси къ обособленію себя въ церковно-іерархическомъ отношеніи. Это стремленіе первоначально возникло по поводу гражданскаго обособленія ея, какъ прямаго слѣдствія татарскаго ига и оставленія Кіева митрополитами. Расторженная татарами— русь сѣверовосточная и сѣверозападная, доселѣ жившія одною гражданскою жизнію, не смотря на раздробленіе ихъ на удѣлы, начинаютъ жить какъ бы отдѣльно, не имѣя между собою столь частыхъ сношеній, въ какихъ онѣ бывали до нашествія татарскаго. Не благопріятныя обстоятельства православія въ югозападной Россіи, съ подчиненіемъ ея владычеству Литвы и Польши, еще болѣе усилили это сремленіе. Въ слѣдствіе сего являются, независимыя отъ московской, митрополіи—кіевская и галицкая.

Независимо отъ того стремленія къ обособленію, которое обнаруживали великіе князья литовскіе по политическимъ видамъ, а православные западно-русскіе по приверженности къ православію, римскіе папы покушались подчинить себѣ кіевскую митрополію. Поводомъ къ этому послужили гражданскія обстоятельства греческой имперіи, которыя побудили императора Іоанна Палеолога искать подкрѣпленія своей, клонившейся къ паденію, имперіи у папы. Хотя эти покушенія римскаго двора на подчиненіе себѣ кіевской митрополіи встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны великаго князя

московскаго Василія Васильевича Темнаго и митрополита Іоны;—тѣмъ не менѣе онѣ имѣли слѣдствіемъ окончательное отдѣленіе кіевской митрополіи отъ московской, совершившееся по смерти св. Іоны.

Такимъ образомъ въ представляемомъ историческомъ очеркѣ мы 1, укажемъ причины оставленія Кіева митрополитами—2, объяснимъ временное образованіе митрополіи галицкой и отношеніе ея къ митрополіи кіевской—3, прослѣдимъ періодическое образованіе кіевской митрополіи, отдѣльной отъ московской—при митрополитахъ: Кипріанѣ, Григоріѣ Цамблакѣ и Герасимѣ,—4, раскроемъ покушенія папъ на подчиненіе себѣ кіевской митрополіи и противодѣйствія симъ покушеніямъ митрополита Іоны и великаго князя московскаго, имѣвшія, впрочемъ, слѣдствіемъ окончательное отдѣленіе кіевской митрополіи отъ московской.

1) Состояніе кіевской митрополіи послѣ нашествія Татаръ и оставленіе Кіева митрополитами.

Въ концѣ первой половины тринадцатаго вѣка всю россію постигло величайшее бѣдствіе: монголы тяжкими ударами поразили ее, разорили и предали пламени многія города и села, и истребили многія тысячи жителей. Это тяжкое бѣдствіе падало и на верховныхъ пастырей церкви: Владимирской епископъ Митрофанъ, съ великимъ княземъ Всеволодомъ, его супругою и боярами, погибъ (отъ огня, или отъ меча) въ соборномъ храмѣ,—переяславскій епископъ Симеонъ погибъ также отъ меча. Самаго митрополита Іосифа нестало: погибъ ли онъ при разореніи Кіева монголами въ 1240 году, или при этомъ разореніи удалился въ другое какое либо мѣсто и тамъ скончался, лѣтописи не говорятъ.

По смерти Іосифа, престолъ кіевской митрополіи нѣс-

колько времени оставался празднымъ [1]); потомъ галицкій князь Даніилъ Романовичь поручилъ управленіе митрополіею холмскому епископу Кириллу, который въ 1250 году былъ посвященъ въ санъ митрополита, въ Никеѣ, константинопольскимъ патріархомъ Мануиломъ II-мъ [2]). Но прибывъ въ Кіевъ—древнюю столицу Русской митрополіи, Кириллъ не остался здѣсь подобно своимъ предшественникамъ, и въ продолженіи тридцатилѣтняго своего управленія Церковію (1250—

[1]) Въ промежутокъ времени, послѣ того какъ не стало митрополита Іосифа, до посвященія въ митрополиты Кирилла, Іоасифъ Еп. Провска, что въ Галиціи, принялъ было на себя управленіе митрополіею; но какъ онъ самовольно принялъ на себя эту должность; то и лишенъ былъ не только митрополіи, но и своей епископской каѳедры. См. прилож. № 1 въ 4 том. Ист. Р. Ц. преосвящ. Макарія.

[2]) Въ Ипатьевской Лѣтописи въ первый разъ упоминается о преемникѣ Іосифа, митрополитѣ Кириллѣ, еще въ 1243 году, и посвященіе его въ этотъ санъ относится къ 1250 году, въ которомъ князь Даніилъ, по возвращеніи своемъ отъ Батыя «послалъ и Кирилла ставиться на митрополію» (Пол. Соб. Р. Лѣт. т. II. 182. 185). Но эта хронологія весьма не надежна (Карамз. IV. примѣч. 45 изд. Эйнерл.), и въ настоящемъ случаѣ показаніе ея опровергается свидѣтельствомъ современника. Карпини, посолъ папскій, путешествовавшій къ Татарамъ чрезъ Россію въ 1246 г. замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что когда онъ съ товарищами прибылъ въ столицу Галицкаго князя Даніила, то не засталъ его дома, такъ какъ Даніилъ находился тогда въ Ордѣ (Карамз. IV. 27). Слѣд. и путешествіе Кирилла въ Грецію надобно относить къ 1246 или 1247 году. Неизвѣстно долго ли пробылъ Кириллъ въ Греціи, и когда возвратился, только, по сказанію Лѣтописи (т. I, 202. 226. т. II. 185) онъ, какъ митрополитъ отправился 1250 году изъ Кіева въ Черниговъ, Рязань и въ землю Суздальскую.

1280 г.) большею частію странствовалъ по обширной своей паствѣ. Преемники его—Максимъ и св. Петръ также не жили въ Кіевѣ.

Причины оставленія Кіева митрополитами заключались въ его положеніи послѣ тататрскаго нашествія. Въ самомъ дѣлѣ, споры князей за великокняжескій престолъ кіевскій произвели то, что Кіевъ еще до нашествія татаръ потерялъ свое политическое первенство, что ворочемъ не препятствовало ему удерживать свое древнее значеніе въ церковно-іерархическомъ отношеніи и быть столицею всероссійской митрополіи. Татары довели Кіевъ до того, что онъ, по видимому, долженъ былъ потерять и это послѣднее значеніе. Разореніе причиненное ему татарами, было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ мужественѣе была его оборона; величественный и многолюдный въ то время Кіевъ потерпѣлъ едвали не самое большее разореніе изъ всѣхъ городовъ русскихъ и обратился почти въ пустыню. Кіево—печерская лавра и Десятинная Церковь были разрушены; Кіево-софійскій соборъ, мѣсто митрополичьей каѳедры, сожженъ. Таже участь постигла и прочіе кіевскіе монастыри и церкви. Жители или погибли отъ меча и пламени, или должны были спасать жизнь свою удаленіемъ изъ Кіева; князья, прежде спорившіе за него, теперь его оставили [1]). Потерпѣвъ столько бѣдствій отъ нашествія Татаръ, Кіевъ и послѣ страдалъ отъ нихъ также едвали не болѣе всѣхъ русскихъ городовъ. Его бѣдствія

---

[1]) Карпини въ 1246 г. нашелъ не вдали отъ Кіева Куремсу съ 60,000 татаръ, оберегавшихъ владѣнія монголовъ отъ запада; «жителей, говоритъ онъ, вездѣ мало; они истреблены монголами, или отведены въ плѣнъ». Послѣ Даніила, кн. галицкаго, Кіевъ оставленъ былъ на произволъ судьбы. См примѣч. 182. Истор. Р. Цер. Филар. пер. 2-й.

увеличивались, съ одной стороны, сосѣдствомъ татаръ, которое дѣлало его почти пограничнымъ городомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ всегдашнею жертвою ихъ хищности,—съ другой стороны—самою неподчиненностью сильныхъ сначала галицкихъ князей, которая навлекала на него месть властолюбивыхъ татаръ. Кромѣ того, набѣги литовцевъ, начавшіеся почти съ началомъ XIII вѣка, еще болѣе увеличивали его разореніе. Такое положеніе Кіева, естественно, заставляло православныхъ митрополитовъ Кіевскихъ искать болѣе безопаснаго для себя пристанища.

Но удаляясь изъ Кіева, митрополиты не могли избрать своимъ мѣстопребываніемъ Галичь или Владиміръ Волынскій и остаться при сильныхъ тогда Галицко-волынскихъ князьяхъ, владѣвшихъ и Кіевомъ; потому что въ этомъ случаѣ они были бы слишкомъ удалены отъ многочисленнѣйшихъ сѣверовосточныхъ епархій, съ которыми набѣги татаръ и литовцевъ препятствовали бы имъ имѣть живое и частое сношеніе. Посему то, вслѣдъ за Кирилломъ не жившимъ постоянно въ Кіевѣ (а большею частію во Владимірѣ—на Клязьмѣ) и митрополитъ Максимъ въ 1299 году перевелъ изъ Кіева весь свой клиръ во Владиміръ на Клязьмѣ, такъ какъ этотъ городъ давно уже возвысился надъ Кіевомъ въ гражданскомъ отношеніи, какъ столица великихъ князей русскихъ, и могъ быть по значенію своему вполнѣ приличнымъ, а по географическому положенію—очень удобнымъ мѣстомъ для пребыванія первосвятителя русской церкви [1]). Впрочемъ

[1]) «Митрополитъ Максимъ. не терпя татарскаго насилья остави митрополью и сьбѣжа изъ Кіева и весь Кіевъ разбѣжался; а митрополитъ иде ко Брянску и оттолѣ иде во Суздальскую землю и со всѣмъ своимъ житьемъ». Лаврент. Лѣт. Стр. 208. Троицк. 282. Воскресен. 2, 270.

и Владимiръ не долго былъ мѣстопребыванiемъ русскихъ митрополитовъ: благорасположенность св. Петра, преемника Максимова, къ благочестивому князю московскому Iоанну Калитѣ и особенно прозрѣнiе въ будущее значенiе Москвы побудили сего святителя въ 1325 году оставить Владимiръ и перейти въ Москву. Приближаясь къ могилѣ угодникъ Божiй совѣтовалъ любимому князю соорудить въ Москвѣ каменную Церковь пресвятой Богородицы, и, для убѣжденiя его, сказалъ пророчески: »если ты послушаешь меня, сынъ мой, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ болѣе иныхъ князей, и градъ твой славенъ будетъ между всѣми городами русскими, и святители поживутъ въ немъ, и кости мои здѣсь положены будутъ; руки его взыдутъ на плещи враговъ нашихъ, и прославится Богъ нашъ [1])». Предсказанiе святителя, вскорѣ начавшее приходить въ исполненiе, не подавало преемникамъ его и мысли оставлять Москву и гробъ сего святителя. Такимъ образомъ, Кiевъ-древняя столица митрополитовъ-лишился этого преимущества. Впрочемъ какъ переселенiе св. Петра въ Москву, такъ и переселенiе предшественниковъ его во Владимiръ было только *личное* ихъ переселенiе, а отнюдь не перенесенiе самой каѳедры митрополитской въ тотъ или другой городъ. Митрополичья каѳедра по прежнему оставалась и считалась въ Кiевѣ. Такъ на переселенiе митрополитовъ изъ Кiева во Владимiръ и Москву смотрѣли и константинопольскiе патрiархи [2]). Перенесенiе

[1]) Митроп. Кипрiанъ въ житiи св. Петра. Степ. кн. 1, 419. Нем. Лѣтоп. ч. III. стр. 135.

[2]) «Святѣйшая митрополiя Россiйская въ числѣ прочихъ городовъ и областей, принадлежащихъ къ ея округу, имѣла и находящiйся въ малой Россiи городъ, именуемый Кiевомъ, въ которомъ издревле была каѳолическая церковь митрополiи. Извѣстно,

самой каѳедры изъ Кіева совершилось, какъ увидимъ, въ послѣдствіи.

(*Продолженіе будетъ*).

что и архіереи россійскіе имѣли въ немъ свое мѣстопребываніе, но по смутамъ и тревогамъ настоящаго времени и страшнымъ нападеніямъ сосѣдственныхъ атамановъ, онъ разоренъ и подвергся бѣдственнону состоянію. Почему священно—начальственные предстоятели Россіи, не имѣя здѣсь надлежащаго и подобающаго содержанія, но, по большей части, недостаточное въ сравненіи съ прежнимъ, какъ скоро не стали получать необходимыхъ доходовъ, пересѣлялись въ святѣйшую ея епископію Владимірскую, которая въ состояніи достави-ь имъ мѣсто для пребыванія и удовлетвореніе всѣмъ нуждамъ Так. обр. переселились въ нее митрополиты русскіе, считаясь епископами, какъ и слѣдовало *кіевскими*, и этимъ оказывая Кіеву предпочтеніе, потому что тамъ издревле былъ престолъ митрополіи. Здѣсь (съ Кіевѣ) впродолженіи довольно многихъ лѣтъ не было епископа, но митрополитъ считалъ этотъ городъ своею собственностію и владѣлъ имъ». Изъ патріарш. грам. 1354 г. о переселеніи митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ. Acta patriarch. Constantin. 1, 351-353 edit Miklosich, vindob. 1860. См. прилож. № 8 т. 4. Ист. Р. Ц. Макарія.

АѲОНЪ.

Господь меня благословилъ
Узрѣть тебя, гора Святая;
Давно ту думу я таилъ
Въ душѣ, желаніемъ сгорая,
Летѣть къ тебѣ, Святой Аѳонъ.
Болѣзни близкихъ, часъ печальный
Минулъ,—на путь давно желанный
Казалось, не было препонъ,
Но, вотъ, Стражъ нашего спасенія
Послалъ пожаръ,—на искушенье,
Которымъ домъ и все,—въ немъ, истребилъ.
Въ годину тяжку испытанья
На грудахъ пепла,—съ достоянья,
Идти въ Аѳонъ я порѣшилъ.

Молитвенно душей поникъ,
Во храмѣ Русика привѣтномъ
Я къ полу мраморну приникъ,
Роея его слезой несмѣтной;
Благодаренье возносилъ,
За доступъ мой въ страну Святую,
И радость кротку не земную
Пріимно духъ мой ощутилъ.
Когда хоръ иноковъ смиренный,
Пѣлъ стройно Преблагословенной

Пѣснь Ангела: «Достойно есть».
Мнѣ чудилось, и нѣтъ сомнѣнья,
Что ликъ Ея внималъ тамъ пѣнью,
И въ ликѣ мнилъ привѣтъ прочесть.

Какъ дивно на горѣ Святой,
Господня благодать почила!
Святая Дѣва въ Свой покровъ
Принять её благоволила.
Все, всё тутъ сердцу говоритъ,
Кто вѣритъ дѣтски, въ Провидѣнье
Безъ колебаній, безъ сомнѣнья!
Здѣсь умъ пытливый ясно зритъ
Коль онъ, безумьемъ не повитый,
Бичемъ безвѣрья не убитый,
Творца морей долинъ, высотъ
Творца величія природы,—
И «на горахъ сихъ станутъ воды».
Онъ съ псалмопѣвцемъ воспоетъ.
Какъ чудны Господа дѣла!
На высяхъ горъ къ хребту сближаясь,
Стоитъ отвѣсная скала,
Въ твердыняхъ камня пробиваясь,
Ручьи текутъ съ неё воды,
А индѣ падаютъ каскадомъ
Съ высотъ скалы доступныхъ взглядамъ.
Отколь онѣ? и гдѣ слѣды?
Кто ихъ полнитъ тутъ и для чего?
И кѣмъ взнесенъ и для кого,
Запасъ тѣхъ водъ на высотахъ?
То, скажутъ, случай!.. Случай дивный,
Могучъ онъ такъ же и всесильный,
Какъ Господь въ своихъ дѣлахъ.

Богохранимая гора
Въ твоей природѣ зрится чудо:
Посвюду камень какъ кора,
Повсюду каменныя груды,
Броздой идетъ тропа по скатамъ,
То вверхъ, то внизъ межъ камней вьется
То лестницей, къ скалѣ тамъ жмется;
Но какъ растительность богата!
Тутъ лавръ зеленый-густолистый
Иссопъ, Регаль, травы душисты,
Жасминовъ. много розъ кустовъ
И воздухъ дышетъ ароматомъ
Въ разсадникѣ цвѣтовъ богатомъ,
Кринъ высится, какъ царь цвѣтовъ.

А видъ чарующихъ красотъ!,
Что шагъ, то-ново-живописный!
На темени холмовъ высотъ:
Коштанны рощи, кипарисны.
Внизъ у подошвы крутыхъ спадовъ
Сады смоковницъ и маслины
Золотовидны апельсины,
Поля покрыты виноградомъ.
Струи воды прохладной чистой
Несутся плавно, хотя быстро,
«Внизъ, по закону тяготенья,
Вспоивъ траву, росткамъ давъ силу»
Стрѣмятся въ море, какъ въ могилу,
Свое исполнивъ назначенье.
А на лазурѣ небосклона
Съ восходомъ солнца и закатомъ;
Высокій шпицъ, какъ стражъ Аѳона
Въ отливахъ свѣта горитъ златомъ:
Какъ тронъ царицы свѣтлый чудный
Тамъ на площадкѣ, крайнѣ тѣсной,
Вскрай пропасти-скалы-отвѣсной,—
Храмъ Спаса, не большой и скудный.
Съ вершины вѣчно-хладной сей горы
Я зрѣлъ скиты, монастыри,
И храмовъ ихъ прекрасный видъ;

И даль въ обширномъ круговзорѣ.
Твердь острововъ со влагой моря;
Чрезъ заливъ я зрѣлъ Олимпъ.

Тамъ, гдѣ орлы лишь гнѣзда вьютъ
Въ ущельяхъ дикихъ и вертепахъ,
Святыхъ отшельниковъ пріютъ,
Безмолвны кельи,—будто склепы
Ихъ пища-дикіе плоды,
Ихъ ложе-камень въ изголовье.
Десятки лѣтъ текутъ въ безмолвьи;
Молитва, бдѣніе, труды
Ихъ жизни цѣль, ихъ наслажденья.
Чужды науки умозрѣнья,
Уста ихъ истиной дышатъ,
Самъ Богъ для нихъ и свѣтъ и просвѣщенье
Наставникъ имъ въ уединеньи
Его совѣтомъ все рѣшатъ

По зыби водъ архипелага,
Неслись мы быстрымъ пароходомъ,
Молчали вѣтры, спала влага,
Луна полна съ небеснымъ сводомъ
Купалась, будто, въ глубяхъ водъ.
Казалось, острова бѣжали
На встрѣчу къ намъ, и изчезали
Вдали, минуя пароходъ.
Тишь въ воздухѣ, спала природа,
Лишь ропотъ волнъ отъ парохода,
Покоя возмущалъ законъ.
Еще верстъ за сто, можетъ, болѣ
Оттушевался въ небосклонѣ
Высокой шпицъ горы Аѳонъ.
Всю ночь на полубѣ безъ сна
Провелъ я въ чудномъ обаяньи
Еще зорница не взошла,
Востокъ блѣднѣлъ лишь въ ожиданьи,—
Сказался край Святой горы.
Скалы громадны возвышались,
Съ подножья шпица красовались

Межъ зеленью монастыри.
Прошедъ не длинный мысъ Аѳона
Почти вокругъ по оба склона,
Съ чегобъ начать намъ обозрѣнье
Мы думали,-и чтобъ раскрылись
Аѳона виды,- пріютились
Мы въ Русикѣ, но лишъ на время.

Одинадцать минуло лѣтъ
Съ поры, какъ жилъ я на Аѳонѣ;
Тогда въ глазахъ моихъ былъ свѣтъ,
Теперъ въ нихъ тьма,-судебъ въ законѣ
Знать суждено мнѣ крестъ нести,
Грѣховъ, быть можетъ къ очищенью
Да дастъ Гусподь мнѣ силъ къ терпѣнью
Безрапотно свой путь пройти.
Былое вспомнить мнѣ не трудно:
Встрѣчалъ я въ жизни много чудныхъ
Видовъ, мѣстъ коры земной;
Но не встрѣчало мое зрѣнье
Такого дивнаго явленья
Какъ на Аѳонѣ-той горѣ Святой.

Мнѣ каждый памятенъ предметъ
Въ странѣ для духа незабвенной:
Радушный въ Русикѣ привѣтъ,
Пріютъ мой въ келліи смиренной,
Услуги братій неподкупны,
Храмъ Покрова, Богослуженье,
И стройное въ немъ псалмопѣнье,
Совѣтъ ихъ старцевъ, всѣмъ доступный
Трапеза, общность въ достояньѣ,
Молитва, трудъ и послушанье;
Тамъ нѣтъ владыкъ, но, всѣмъ законъ,-
Любовь и миръ!—Я жизнь иную
Тамъ пилъ изъ чаши—не земную.
Могуль забыть тебя Аѳонъ?